

АРХИВ

Александра Эмильевна Адамсон-Дембская

Мария Белкина

Журнал «Даугава» — литературно-художественный журнал на русском языке. Выходил с 1977 по 2008 год. Альманах «Русский мир и Латвия» с разрешения главного редактора Жанны Эзит начинает публикацию материалов из архива журнала «Даугава».

Уважаемые товарищи!

Я с огромным вниманием читаю ваш журнал по-настоящему смелый и принципиальный. Особенное внимание привлекают материалы по истории Латвии, которую я совсем не знаю. Сейчас вы начали благородное дело — «поименное называние» жертв репрессий. Я не знаю, напечатаете ли вы и имя моей бабушки (я посылала данные о ней Дм. Юрасову), но решила написать вам о ней поподробнее. Ведь жизнь человеческая не укладывается в две строчки — арестован, казнен, реабилитирован, она гораздо шире, и у каждого, самого простого человека — уникальна. Да и не было у нее «громкого» приговора, не проходила она по «открытым» процессам; читая тот нескончаемый список, люди будут скользить глазами по ее примечательному имени, а ведь был человек, хороший человек! Я не претендую на то, что вы напечатаете мое письмо, таких к вам, наверное, приходит немало, а объем журнала небольшой, да и интересным ли оно вам покажется? Просто мне хочется, чтобы письмо сохранилось в вашем архиве или было передано в архив Латвийского «Мемориала» (он, я

думаю, существует). Нужно, чтобы о людях сохранилась память, чтобы историкам представлялись конкретные люди, а не безликие «нумера» жертв.

Моя бабушка, Александра Эмильевна Адамсон-Дембская, родилась в 1885 г. в Риге в состоятельной семье. Хотя ее отец не имел интеллигентной профессии (был владельцем ресторана), он был неплохо образован и сам многому обучал дочь — в частности, языкам. Кроме родного латышского, она с детства в совершенстве владела русским и немецким. Очень рано Александра Эмильевна стала задумываться над проблемами неравенства людей, чему способствовало увлечение литературой, прежде всего критического направления. Честность и решительность, которые были присущи ей всю жизнь, в первый раз ярко проявились еще у подростка. Хотя росла Александра Эмильевна в религиозной семье, привычка ничего не принимать на веру вызвала у нее серьезные размышления о религии. После долгих сомнений она пришла к выводу об отсутствии бога. Вскоре Александра Эмильевна должна была пройти конфирмацию (семья была протестантской). Во время церемонии Александра Эмильевна вышла вперед и сказала, что стала атеисткой и порывает с церковью. От сильного волнения она сразу же упала в обморок. Это было последнее ее посещение церкви. Даже выходя замуж, Александра Эмильевна не стала венчаться, и детей не крестила.

В возрасте 18 лет Александра Эмильевна связала свою жизнь с освободительной борьбой. В

1903 году в Либаве она вступила в Латышский Социал-демократический Союз. Ей была поручена пропагандистская и техническая работа, связанная с перевозкой нелегальной литературы. Ее подпольная кличка в Либаве Александра Эмильевна — «Саша». В 1905 году, переименовав ее на «Ауэра», вернулась в Ригу, где продолжала ту же работу. В августе 1906 года Александра Эмильевна была арестована и после почти двухлетнего следствия в апреле 1908 года осуждена Рижским Военно-окружным судом по 2 ч. 102 ст. УК к 4 годам каторги. Отбывать каторгу пришлось в пользовавшемся дурной славой Рижском каторжном центре. В конце 1911 года Александру Эмильевну отправили на поселение в Усть-Уду Иркутской губернии. Оттуда она совершила побег, но была вновь арестована, и после двухмесячного тюремного заключения водворена на место ссылки. Находясь в тюрьме и ссылке, Александра Эмильевна занималась самообразованием — она выучила французский и английский языки, легко читала на них.

В 1913 году Александра Эмильевна познакомилась с Иваном Фелициановичем Дембским, поляком, членом партии СР с 1903 года, сосланным в Иркутскую губернию после 6 лет каторги. Они соединили свои судьбы. В 1914 году родилась их старшая дочь Гунна Ивановна Дембская. До Февральской революции семья оставалась в Сибири, а затем выехала в Европейскую часть, много ездили по разным городам, пока в 1929 году не поселились в Москве.

Все это время Александра Эмильевна переписывалась с оставшимися в Латвии тетей и младшим братом.

6 декабря 1934 года по доносу соседки по квартире был арестован Иван Фелицианович. Во время обыска в дневнике старшей дочери Гунны были обнаружены написанные ею антисталинские стихи. Вообще, никакого культа Сталина в семье не существовало. Сейчас много пишут о том, что тогда все Сталину верили — неправда. Иван Фелицианович встречался со Сталиным в Баку, где работал в подпольной типографии; он всегда говорил о Сталине иронически. Вспоминал его как никудышного оратора (им приходилось сталкиваться на диспутах). Александра Эмильевна возмущалась тем, что в голодающей стране имеются льготы для коммунистов, ответственных за тяжелое положение. Александра Эмильевна и Иван Фелицианович были персональными пенсионерами (за революционные заслуги), членами общества политкаторжан (членский билет Александры Эмильевны № 1047). Они покупали продукты в распределителе, но большую их часть отдавали нищим, которых мно-

жество было в Москве в период коллективизации. В семье не было и тени истерического поклонения «вождю», якобы характерного для того времени.

Стихи Гунны Ивановны были несовершенно, непрофессиональны, конечно, это не потрясает, как манделштамовские строки, но несогласие с режимом выражали не только великие. В 1934 году 22-летняя студентка МГУ записала в дневнике:

Товарищ Сталин, разреши тебе сказать.
Ты, верно, это не слышал ни разу:
Уж если бог кого решает наказать,
То у того он отнимает разум...

За ней вернулись в тот же день, 6 декабря, и увезли на Лубянку, как и отца. Обоих обвинили в террористических намерениях. Но если против Ивана Фелициановича не было ни малейших улик, то Гунна Ивановна считалась чуть ли не матерой террористкой. Велика была сила «изреченного слова»! Однажды, когда Александра Эмильевна в очередной раз пришла узнавать о судьбе близких, ее пригласили в какой-то кабинет. Она вошла и тут же за ее спиной встали два человека. Александра Эмильевна все поняла — поняла, что приговор смертный, и эти люди хотят подхватить ее, когда она начнет падать, услышав его. Но она сказала хозяину кабинета: «Вы думаете, я потеряю сознание? Ошибаетесь. Вы убиваете моего мужа и дочь. Но у меня есть еще трое детей. Я воспитаю их так, чтобы они когда-нибудь напомнили вам об этом дне». Когда Александра Эмильевна рассказала об этом детям, они пришли в ужас — «ведь нас могут отобрать в Детский дом!» «Да, могут, — ответила Александра Эмильевна, но вы уже большие и можете запомнить мои слова: никогда не забывайте и не прощайте». Младшей из детей было в то время 9 лет.

Ивана Фелициановича приговорили к 5 годам лагерей, а Гунне Ивановне смертную казнь заменили 10 годами лагерей. Александра Эмильевна узнала, когда ее будут отправлять в Свободный и пошла провожать. Когда поезд тронулся, из всех окон полетели письма, они усеяли пути. Александра Эмильевна долго их собирала, их было так много, что они не влезли в почтовый ящик, пришлось искать другой.

Александра Эмильевна осталась одна с младшими детьми. Главной задачей для нее стало облегчение участи заключенных, и не только своих родных. Александра Эмильевна принимала участие в работе Политического Красного Креста, возглавляемого Екатериной Павловной Пешковой. Взяв у нее бонны, Александра Эмильевна закупала в торгсине продукты, собирала посылки и отправ-

ляла политзаключенным, прежде всего тем, у кого не было родственников на свободе. Впоследствии и Александра Эмильевна получала помощь от Красного Креста, например, посылку с теплыми вещами от В.Н. Фигнер (они были знакомы: младшая дочь Александры Эмильевны названа в честь Веры Николаевны).

В 1936 году после долгих хлопот Александре Эмильевне было разрешено месячное свидание с мужем, находившемся тогда в лагере в Сегеже. Через неделю после начала свидания пришло распоряжение этапировать Ивана Фелициановича в Кемь. Александра Эмильевна требовала продолжения свидания. Тогда ей предложили временный арест с тем, чтобы она по этапу прошла вместе с мужем. Она согласилась. Днем они шли вместе в колонне, а на ночь ее помещали в женское отделение. В Кемь Александру Эмильевну освободили, а Ивана Фелициановича отправили на Соловки, откуда на свидания привозили катером. Вскоре они простились — навсегда.

В 1937 году на новом витке репрессий Александру Эмильевну вместе с детьми выслали из Москвы. Причем высланные должны были ехать за свой счет — в НКВД им было объявлено место ссылки и время, в течение которого нужно было выехать. Александра Эмильевна категорически отказалась отправлять в ссылку саму себя. Денег у нее действительно не было, ее пенсию отобрали, и семья держалась помощью друзей. Но дело было в принципе — Александра Эмильевна заявила, что если органы ее высылают, то пусть принесут билеты, а самой ей ехать нет никакой нужды. Билеты ей действительно предоставили, но только до Омска, уверяя, что это и есть место ссылки. Александру Эмильевна в это не верила, но заставить сказать правду не могла. В августе 1937 года она с детьми Юрием, Ириной и Верой выехала из Москвы. В Омске их, конечно, не оставили, отправили дальше — в Тарский округ, село Ниж. Колосовка, дер. Носково. Ссыльных везли большими потоками, размещать их было негде, женщины, дети, старики ночевали на улице. Но самым страшным было другое — ненависть населения. Никто не хотел принимать ссыльных в свою избу, на них смотрели как на врагов. Ссыльные послужили хорошим громоотводом. Места эти до революции были богатыми, во всяком случае, зажиточными — ведь в Сибири не было малоземелья, от которого страдали крестьяне Европейской России. Редкими были не только безлошадные дворы, но и однолошадные. К середине тридцатых годов деревня стала нищей. Не было ни скотины, ни хлеба. Одевались в рубища из мешковины. Освещали избы лучиной. Правда, деревня

была радиофицирована. И целый день по радио рассказывали о привольной жизни колхозников, о неусыпных заботах о них товарища Сталина. Слушали бабы и вздыхали: «Не знает товарищ Сталин о нашем колхозе, как нас тут начальство обирает. Вот узнал бы, навел порядок! Ведь везде хорошо, а у нас, видно, враги вредят. «Высылаемых из города интеллигентов крестьяне воспринимали именно как разоблаченных врагов, которые и сделали жизнь такой невыносимо тяжелой. Власти же усиленно натравливали население на ссыльных, в том числе на детей.

В начале учебного года произошло «торжественное» исключение детей «врагов народа» из пионерских и комсомольских организаций. Их поставили перед строем школьников, сорвали с них галстуки и значки, произносили речи, в которых дети назывались врагами, предателями, которых надо уничтожить.

Детей Александры Эмильевны это шельмование не коснулось. Никто из них не состоял в молодежных организациях. Незадолго до ссылки младшей, Вере, предложили вступить в пионеры. Она решила, что этот шаг был бы своего рода отречением от арестованных родных. Александра Эмильевна согласилась с этой мыслью и посоветовала ей на церемонии принятия сказать: «А я в пионеры вступать не хочу». Это было своеобразным повторением ее детского отречения от бога. Но последствия могли быть гораздо серьезнее. К счастью, эта идея реализована не была — девочка так волновалась, что заболела и в школу не пошла.

Ссылка была бессрочной, вырваться из нее можно было при одном условии — надо было подписать бумагу об отречении от репрессированных родных. Было известно, что эти отречения показывают заключенным в лагерях, прекращается их переписка с семьей, никакие свидания о заключенных родным не даются и всякие ходатайства становятся невозможными. Большинство ссыльных такие отречения не подписывали.

Сведения о заключенных, сообщаемые родным, были весьма скудными. Письма получали немногие. Зато получали известия о новых приговорах. В 1940 году и Александра Эмильевна узнала, что ее муж добавочно приговорен к 10 годам лагеря без права переписки. Тогда истинное значение этого эвфемизма было неизвестно Александре Эмильевне и ее товарищам, они воспринимали приговор буквально, но продолжали писать письма — вдруг, да проскочит хоть одно. Письма не возвращались, что вселяло надежду. Только однажды к одной из ссыльных письмо вернулось с отметкой «Адресат

умер». Остальные верили, что их мужья живы и продолжали писать мертвым.

С начала ссылки Александра Эмильевна прекратила переписку с родными в Латвии (связь с заграницей — следовательно, шпионка). А в 1940 году после присоединения Латвии она уничтожила все их письма и адреса, чтобы не навлечь несчастья на них (связь с семьей врагов народа).

Александра Эмильевна постаралась спасти от ссылки своих детей. Одного за другим она отправляла их в Москву, когда их возраст приближался к 16 годам. Нужно было получить паспорт — ведь ссыльным их не давали, тем самым прикрепляя к месту поселения. В Москве их официальной опекуницей стала Мария Фелициановна Родзянко, сестра Ивана Фелициановича. В органы опеки было заявлено, что дети — круглые сироты.

Жила Александра Эмильевна на те гроши, которые могли ей послать дети и некоторые верные друзья — прежде всего Ольга Эрастовна Слонимская. Когда-то до революции Александра Эмильевна несколько месяцев скрывалась от жандармов в библиотеке, где служила Ольга Эрастовна. Помогала она ей и долгие годы ссылки.

Приходится иногда читать даже в современных публикациях, что жизнь перед войной начала улучшаться, кризис, вызванный коллективизацией — сглаживаться. Что из себя представляла жизнь в богатой Сибири, видно из дневника младшей дочери Александры Эмильевны Веры Ивановны Дембской, жившей с матерью в ссылке до 1941 года. Привожу несколько выдержек за 39-40 гг.

«12/VIII 39 г. Еще когда мы жили у Даши, то раз пришла Пелагея и рассказала нам про один колхоз, что когда предложили крестьянам вступать в колхоз, то они очень не хотели, а когда их принудили и опросили, как назвать хотят они свой колхоз, то они предложили назвать «НЕКУДА ДЕВАТЬСЯ». Комсомолка, которая была как председатель, начала отговаривать, но крестьяне отстояли на своем и колхоз так и назвали «Некуда деваться». Только через неделю или через две приехали какие-то комсомольцы и переименовали колхоз из «Некуда деваться» в «Новый быт» Много таких историй еще рассказывали, да я их забыла.

17/ VIII. Сегодня годовщина — два года уже мы находимся здесь. Изменилось многое с тех пор, как мы остались возле НКВД без дома и без всего. Два года прошло с тех пор, как нас позвали Кравцовы ночевать. Как мы бродили по Колосовке в поисках квартиры, как нам указала Носково, как мы, наконец, натолкнулись на бабку Анну и жили у ней в горнице.

23/ VIII. Я утром пошла на почку, а когда бежа-

ла обратно, то дождь шел ливнем. Побежала домой и показала маме открытку от Евгения Федоровича Миллер. Он пишет, что был раньше с Усей (так в семье называли Гунну Ивановну — М.Б.) в лагере, а теперь освободился и хочет в Москве хлопотать. Чтобы и ее освободили. Мама ему ответила.

14/IX. Вчера ходила в дежурку за хлебом. Пошла поздно, но хлеб все-таки не привезли еще. Людей было много. Хлеб привезли только за 1р. 50к. Я купила 1 кг. Он очень плохой, совсем сырой. Позавчера мы получили посылку и там нам прислали сахар, которого мы не видали 3 месяца. Как я ему обрадовалась! Я сразу съела кусочек, и он мне казался таким вкусным!

27/ IX. После большой перемены к нам вошел Степан Анатольевич и велел строиться по 4 человека. «Скорее, — сказал он — мы пойдем на митинг». Больше он ничего не сказал и повел нас на двор. Там уже стояли другие классы. Старосте нашему дали знамя и мы пошли. Нас привели на площадь около трибуны. Там уже стояли взрослые люди. Мы встали вперед. Потом вышел человек и начал говорить. Из его речи выходило, что русские войска, т.е. войска Красной Армии двинулись на Польшу под предлогом спасения украинцев и белорусов. Все говорили про это. У меня замерзли ноги и руки. С этих пор в газетах было об этом походе. Русские заняли много Польши. Но особенно об этом не говорили.

29/IX. Второй урок был немецкий. Немец Василий Васильевич пришел в хорошем настроении, писали текст. Вдруг в середине текста Василий Васильевич выпучил глаза, побледнел, покраснел и как рывкнет: «Рябин! Дайте книгу!» Все вздрогнули. Рябин спрятал какую-то книгу в парту и ничего не сказал. Немец сам полез в парту и вытащил книгу. Он ругался и крутил этой книгой так, что я не могла прочесть заглавие. Наконец прочла: «Учебник латинского языка». Немец кричал, что за эту книгу он, Рябин и отец Рябина окажутся в тюрьме, что это книга троцкистская и т.д. Книгу эту он сказал, что сожжет.

3/X. Здесь наверно будет голод. Хлеба нет ни у кого почти что, за печеным стоят огромнейшие очереди, но его теперь не пекут и все без хлеба. Когда была еще я, раз пошла и стояла под дождем 4 часа. Сначала мы вошли в дежурку. Там было так тесно, что пошевелиться нельзя было. Маленькие ребяташки начали плакать и их выталкивали на дождь. Там мы стояли с час. Потом пришел возчик и сказал, что хлеба не будет. Никто не уходил, но всех выгнали из дежурки. Я пошла под крышу дома и стояла долго с Нюрой, пока не крикнул кто-то, что везут хлеб. Дождь шел очень сильный.

Стала строиться очередь. Нам пришлось стоять в большой луже. Мы с Нюрой никак не могли влезть на крыльцо. Все-таки мы залезли и еле-еле прорвались в дежурку. Я купила булку хлеба за 90 копеек, и мы еле вылезли.

20/XI. Начинается что-то нехорошее. За хлебом ужасные очереди. Люди стоят с 11 вечера до следующего утра. Я каждый день на большой перемене и после уроков захожу в столовую, и беру хлеба, сколько дают. В столовой хлеб в 2 раза дороже. Но в очередях стоять невыносимо.

5/XII. Завтра годовщина... 5 лет со дня разлуки с ними. Тяжело!!! Может быть, я никогда не увижусь с папочкой и Усенькой. Что принесет нам этот шестой год разлуки, неизвестно. Вечером в темноте мы, крепко обнявшись, сидели с мамочкой и думали. 6 декабря 1934-39 гг. Тогда мне было 8 лет, а теперь 13. Но я помню этот день до мельчайших подробностей, и, кажется, буду помнить до самой смерти.

13/XII. Сегодня я пошла как всегда на большой перемене в столовую, чтобы достать хлеб, так как у нас его нет, а продавать совсем перестали. Но в столовой было хуже, чем всегда. Тетеньке, которая выписывает талоны, я сказала, чтобы она выписала чай. «Чаю нет» — был ответ. Я спросила, совсем нет или стаканов нет, и мне ответили, что нет стаканов. «Ну, налейте в тарелку» — сказала я в отчаянии, что не получу хлеба, чего мне только и надо было. «Хорошо», — ответила она. Я думала, что она принесет в тарелке, а она вынесла крепкий и сладкий чай в стакане, видимо свой. Я выпила, взяла хлеб и ушла. После уроков я пошла на почту и отправила телеграмму Усе.

4/I. Вот как мы встречали Новый Год. 31 вечером мы сожгли последнюю свечку, и при ее свете я написала на бумажках разные слова и мы погадали. Мама вытащила печаль, несчастье, свидание, а я печаль, несчастье, встреча. Потом я написала, с кем увидимся, и мама вытащила два раза тетю Манюсю (Родзянко — М.Б.) и Ольгу Эрастовну, а я все три раза Юру. Мама сочинила куплет в честь Нового Года:

Опять приближается Новый Год,
А мы сидим и гадаем,
Сколько новых несчастий он нам принесет,
С тоской на него взираем.

1 января мы с мамой пошли в столовую и взяли хлеба.

10/I. Сегодня встала и, не евши пошла с Нюрой в столовую. В столовой мы сидели 3,5 часа, потому

что было много народу. Купили в сельмаге соли 2 кг, потому что, наверное, скоро ее совсем не будет.

22/I. Сегодня праздник — в школу не ходить, и я сижу дома, ходила только за молоком. Нам выпало счастье. Никто не может достать молока, коров кормить трудно. Баба пришла к Настасье Мироновне и говорит, что у нее больной мальчик, просит сладостей, а достать негде. Спросила у мамы две конфетки, говорит, купить их, Ну, мама, конечно, продавать не стала, а так дала, а та и говорит: «Я молочка принесу» Мама спросила: «А продать можете молока?» «Да, но в день пол-литра только», — и берет за пол-литра 50 коп. Ну, мы согласились, и я хожу с утра за молоком теперь.

24/I. В четверг у нас была физкультура. Наши ребята шумели и бегали по залу, а физкультурник не шел. Наконец он появился в дверях. «Кто староста класса?» «Я», — выступил Неклюдов. «Кто в вашем классе нарушал дисциплину? Говори!!!» «Кто? Да все!» «Что ты говоришь? А? Да неужели ты думаешь, что я поверю тому, что в СССР бывают массовые выступления?! Это прикрывательство! Я найду виноватых!»

2/II. Вчера после пяти утра в класс вошел Василий Федорович и заявил, что будет собрание. Василий Федорович сказал, что все учителя и некоторые учащиеся решили послать на фронт в Финляндию нашей Красной Армии подарок. «Мы уже выбрали комиссию, чтобы она ходила покупать сало, масло и т.д. и запаковывала посылки». Ну, все согласились и выбрали меня собирать завтра деньги. Что делать? Соберу. Я с Надей пошла в столовую Там было ужасно много народу. Мы сидели там долго и ждали. А когда я вышла с 200 гр. хлеба, было уже совсем темно.

18/IV. На нас свалилось большое несчастье. Мы вчера получили письмо от тети Манюси, и она пишет, что Ире сказали, что папочка жив, но ему прибавили еще 10 лет, и что он находится в таком месте, где переписка не разрешается. Его судили опять! Мы с мамой долго сидели в темноте. Бедный папочка! Ему, наверное, очень тяжело.

20/ IV. Вот мне и 14 лет. Грустный мой день рождения. Но хоть хлеб есть. Я теперь каждый день достаю хлеб в столовой. Только денег много уходит.

2/ V. Очень давно не бралась за дневник. И учиться не хотелось. Только хотелось и хочется есть. Я бы хотела быть в Москве. Только я думаю, как пошла бы в булочную и купила бы сразу целый килограмм хлеба. И молоко бы было, его кушать сразу, не думая, что на завтра останется. Денег у нас почти нет. Присылать много нам не могут и мы хотим что-нибудь продать, что даже нам самим

нужно. Вчера весь день читали «Воспоминания» Вересаева, а я вышивала занавеску для продажи.

8/ V. Я хотела есть (у нас дома хлеба не было) и пошла на большой перемене в столовую и взяла 200 гр. хлеба. Решила домой нести, а в школе не есть и вытерпела. Положила в сумку, а то если в карман, то непременно по кусочкам съем.

22/ V. Наде Быстрыгиной за хлеб мама вышьет салфетку, а я за 20 яиц свяжу ее хозяйке кружева. Пока живем, но очень плохо, есть хочется очень.

27/ V. Пока живем. С едой плохо. В субботу мы с мамой совсем не ели кроме тарелки супа — вода с картошкой — на весь день. В субботу же мы пошли в баню и еле-еле доплелись. Очень ослабели. Я вышла из бани и встала у стены. И вдруг все в глазах потемнело. Я схватилась за ручку двери и так стояла. Мама вышла и увидела, что мне так плохо, но все же я пошла. У нас нет денег, и я ходила к Елизавете Алексеевне и она дала. Завтра в столовую можно сходить.

9/ VI. Вчера были у Маруси и она сказала, что в сельпо продается в пачках грушевый квас, из которого получается сытная каша и можно делать лепешки. Мы зашли и купили две пачки. Больше у нас не было денег. Пришла Маруся и принесла масла (она сменяла папину рубашку). Я наелась каши из кваса, масла с картошкой (последней) и заснула. Вечером читала «Тысяча и одна ночь».

25/VI. Вечером неожиданно приехал Егор Кузьмич. Он ездил провожать Нюру к отцу в город Зиму. Ехали они ужасно. В Болотном у них была пересадка, они не могли достать билета. Сотни людей живут на станции неделями. Там голод. Хлеба нету совсем. Все живут одним молоком без всего, и на это молоко у Егора Кузьмича уходило по полсотни рублей на двоих. Хлеб дают по кусочку в столовых только в Зиме, Новосибирске и еще где-то. В Омске скверно, все дорого и достать нельзя.

21/VII. Вчера началась ярмарка, но так почти ничего не продают, а надо вести скот и на 40% его

цены дают мануфактуру, а остальное деньгами. Мы зашли в столовую и взяли поесть. Какой-то человек сидел за столом и терпеливо ждал. А когда ему подали еду, он потребовал хлеба. Но тут все захохотали и заявили, что хлеб забыли не то, что на вкус, но и на вид, и что ему пора забыть.

17/VIII. 40. Сегодня три года как мы в Колоновке. Когда-то давно, давно мы думали, что в 40 году папа будет с нами и вот... Еще хуже. Есть нечего. Нет ничего. Картошки нет. А хлеба неурожай в этом году.

Во время войны стало еще тяжелее. Наступил настоящий, убийственный голод. В 1946 г. демобилизовался сын Александры Эмильевны Юрий, и по его просьбе место ее ссылки было заменено на г. Воркуту. Там жила после лагеря Гунна Ивановна и там устроился на работу Юрий Иванович. Когда сын привез Александру Эмильевну на Воркуту и повел по врачам, они решили, что перед ними блокадница, так она была истощена. В это же время семье была выдана справка о смерти И.Ф. Дембского якобы в 1942 г. от дистрофии.

Последние годы жизни Александра Эмильевна страстно мечтала побывать в Латвии, увидеть Ригу, попытаться найти родных. Казалось, судьба, наконец, улыбнулась ей. Для переезда на Воркуту ей был выдан паспорт, но в нем не оказалось штампа об ограничении передвижения (по-видимому, забыли поставить). Поездку назначили на 1950 год, но в этом году вновь арестовали Гунну Ивановну. Ее продержали в заключении в Москве 9 месяцев и вернули под главный надзор без права выезда в Воркуту. Это подкосило Александру Эмильевну, у нее развился инсульт. Она все-таки надеялась поправиться и съездить на Родину. К сожалению, мечта ее не сбылась. Инсульт повторился еще два раза и в июне 1956 г. Александра Эмильевна умерла. Похоронена она в г. Воркуте. Там же могила ее сына Юрия, дочери Гунны и внучки Элги.